

Виктору Петровичу АСТАФЬЕВУ — 60 лет

Уважаемый Винтор Петрович! Сердечно поздравляем Вас, большого мастера русской прозы, со знаменательной датой — шестидесятилетием со дня рождения.

Три десятилетия прошло со дня выхода в свет Вашей первой книги «До будущей весны», которая была с интересом принята читателями и литературной критикой. С тех пор Ваши новые произведения не раз радовали читателей. Вас как художника отличают глубокое знание жизни, свое видение мира, тонкое понимание человеческой души.

Ваше творчество нерасторжимо с судьбами Родины, с людьми, жилищими рядом с Вами. Значительное место в Ваших книгах занимает Великая отечественная война, которую Вы прошли солдатом, познав все тяжкие испытания, трагические и героические будни тех лет.

За повести «Перевал», «Последний поклон», «Кража», «Пастух и пастушка» Вы были удостоены Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Вашим произведениям свойственно пристальное проникновение в человеческие характеры, исследование их в непосредственной связи с окружающим миром, что особенно ярко проявилось в «Царь-рыбе». Эта книга, отмеченная Государственной премией СССР, пользуется широкой популярностью в нашей стране и за рубежом.

Сердечнейшим участием в горестях и радостях современников пронизаны Ваши «Затеси» — все обновляемая кни-

га прекрасных этюдов и коротких рассказов.

На сценах театров страны идут с успехом Ваши талантливые пьесы.

Участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Красной Звезды, многих боевых медалей, Вы за свои высокие литературные заслуги удостоены двух орденов Трудового Красного Знамени, ордена Дружбы народов.

Желаем Вам, дорогой Винтор Петрович, крепкого здоровья, новых творческих свершений на благо нашей многонациональной советской литературы.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР;
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

ГЛУБИНА И ПРОЧНОСТЬ ТАЛАНТА

ВОТ И ПОКОЛЕНИЕ фронтовиков подошло к той черте бытия, когда мудрецы, познавшие сладость и горечь жизни, отказываются от навязчивых идей, когда плоть не имеет властной воли над духом, тщеславие молодости ушло в прошлое и главная цель и великое смирение — в работе.

Наверное, одиночество любого писателя непорочно, если он не умножает самого себя книгами и если он находится в разладе с собственным предназначением, спотыкаясь о похвалу и известность. Несомненно, конечно, и то, что писателя должны читать, а не почитать, не читая.

Каждую книгу Виктора Астафьева, одного из самых серьезных и популярнейших художников нашего времени, читатели и писатели ждут с тем нетерпением, какое бывает в преддверии радости, накануне встречи с прекрасным, что рождается только качеством незаурядного и постоянно обновляющегося таланта. Рядом с ним трудно назвать сейчас кого-либо в европейской литературе (подчас не в меру кокетничающей изобретением нового), кто был бы столь своеобразен и вместе с тем верен тайне логики образов и столь непримирим к искусственности языка, конструкции сюжета, умозрительной идее. Да, Виктор Астафьев — художник чистого золота, ибо ему дано умение лепить души людей. Он не признает выморочной и изощренной литературщины, не бьет в традиционные барабаны классического величия, изо всей силы голова не утверждает модные романские структуры, не доказывает, что миновал ренессанс эпической формы, не размывает смысл простого слова во имя туманных нюансов некоего эфемерного, воздушного новшества. Он прочен и глубок в своих художнических убеждениях, не похож ни на кого другого строгостью и одновременно чувственностью стиля, суровостью и надежностью героев, стараясь раскрыть правую основу жизни, ее явст-

венные и невнятные движения. Он описывает не бытие, а бытие, твердо ходя по земле и в то же время приподнимаясь над ней, как бы ощущая присутствие вечности.

Мы неодинаково можем относиться к разным вещам в этой действительности, но мы почти одинаково относимся к жизни и смерти. И мы хотим понять: из чего складываются доброта, человечность, совесть, что такое красота и уродство, что добродетель, а что порок, что справедливость и что несправедливость.

Виктор Астафьев хорошо знает, что человек не всегда на себя похож, и хорошо знает и то, что никто не приносит человеку столько вреда, как он сам. Однако каких бы сложнейших проблем нашего бытия ни касался писатель, он как истинный художник не дает однозначных ответов, которые суживают бытие до быта, явление до факта. Он словно бы говорит нам: живи согласно совести, а я познаю формы действительности, передаю картину мира для того, чтобы ты осознал свою несовершенную природу, обрадовался жизни, раскаялся во многом и полюбил бы землю, родную колыбель, ибо она — и начало, и конец твой.

Он как бы спорит с фальшивыми оптимистами, не без приятной улыбки доказывающими, что на беда, если все промежуточное будет забыто (наши радости, мысли, страдания), что в закономерностях природы (якобы любимой ими) нет ни блага, ни зла, она равнодушна, безразлична к нам, к нашему смеху и слезам, к жизни и смерти — и нет, мол, никаких разумных в природе закономерностей, и нет большой беды в отсутствии гармонии людей и земли.

И тут я не могу не вспомнить выдающийся не только в нашей литературе, но и в литературе всевропейской роман Астафьева «Царь-рыба», так много сказавший о необъявленной страшной войне человека с природой, о той безумной войне, которая

насилием над здравым смыслом приведет к трагедии чувства, мысли, разумения и в конце концов к самоубийству рода людского.

Мы знаем писателей и проповедников, которые с тонкой, «спасительной» иронией ищут зло вне человека, считая жизнь парадом масок и жестоким фарсом. Виктор Астафьев беспощадный реалист, приобщенный талантом к правде, не склонен к разному порядку преувеличениям. Он уверен, что каждый несет в себе заряды добра и зла, поэтому с неприязнью строгого очевидца отвергает всякую киноподобную действительность, фальшь в человеке, «правдивую ложь».

И мне чрезвычайно близок Астафьев непреходящим беспокойством души, тревожной нотой до предела обнаженной искренности, чутким и мучительным вниманием к человеческой боли и тем истинным милосердием, которое особенно свойственно особенно крупным талантам. Может быть, поэтому философско-лирический астафьевский герой «я», всегда присутствующий, даже в свое прямое отсутствие (во многих миниатюрах из прекрасной книги «Затеси»), также родственно знаком и дорог нам, как Витька Потилицын и бабушка Катерина Петровна («Последний поклон»), Мишка Ерофеев («Звездопад»), Борис Костяев («Пастух и пастушка»), Аким («Царь-рыба»), Сергей Митрофанович («Ясный ли днем») — эти астафьевские герои, уже давно ставшие не литературными персонажами, а людьми, жившими и живущими, такими реальными, как будто мы пуд соли вместе съели. И жили одной мукой, одной радостью, одним сомнением, одной бедой, одним мужеством, одной надеждой. Такова астафьевская сила астафьевского дарования — творить вторую жизнь.

В день твоего шестидесятилетия, дорогой мой брат по перу, прими мои самые благодарные читательские чувства.

Юрий БОНДАРЕВ